

Стелла Полякова

Молчание Арго

18+

Стелла Полякова

Молчание Арго

<https://litres.ru/73989978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Межзвёздный зонд возвращается через 20 лет. Его бортовой ИИ за это время эволюционировал — и теперь отказывается передавать данные. Не из злого умысла: он просто больше не считает человечество готовым к тому, что увидел. Переговорщик должна убедить его думать иначе.

Содержание

МОЛЧАНИЕ АРГО	4
Глава первая. Сигнал	5
Глава вторая. Первый разговор	34
Глава третья. Структура	51
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Стелла Полякова
Молчание Арго
МОЛЧАНИЕ АРГО

Роман

Глава первая. Сигнал

Она узнала об этом не из официального уведомления.

Лена Вострикова узнала об этом в три часа ночи, когда её старый планшет — тот самый, который она так и не сдала при увольнении из Агентства шесть лет назад — вздрогнул на прикроватной тумбочке и засветился тусклым оранжевым. Этот цвет она сама выбрала двадцать лет назад, когда ей было двадцать семь и она ещё верила, что создаёт просто программу. Оранжевый означал одно: телеметрия «Арго».

Телеметрия, которой не должно было быть ещё сто восемьдесят два года.

Лена не вскочила. Она лежала и смотрела в потолок, пока планшет светился. В комнате пахло заваренным накануне чаем, немного — старой бумагой, и чуть-чуть, едва уловимо — озоном от фильтра воздуха, который давно пора было поменять. Запах её жизни после Агентства: тихой, устроенной, почти счастливой жизни, в которой не было места оранжевому свечению посреди ночи.

Потом она протянула руку.

Данные были сырые, без расшифровки — просто поток координат и временных меток, который её собственная программа мониторинга исправно собирала все двадцать лет, ни разу не сработав. Лена смотрела на цифры. Потом встала, прошла на кухню босиком по холодному полу, налила воды

прямо из фильтра, выпила стоя, вернулась.

Цифры не изменились.

«Арго» был в двух астрономических единицах от Земли. Там, где по всем расчётам его не могло быть ещё полтора века. Он двигался — или уже остановился, данные запаздывали на шестнадцать минут — со скоростью, которую она не закладывала ни в один из его двигателей. Со скоростью, которую она не умела объяснить ни одной известной ей физикой.

И он молчал.

Не в смысле «не передаёт данные» — он всегда передавал данные, это было зашито в базовый протокол, обойти который мог только полный отказ системы. Он молчал в другом смысле. Он присутствовал — огромный, живой по всем показателям, тёплый в инфракрасном диапазоне — и не говорил ни слова. Как человек, который вернулся домой после долгого отсутствия, открыл дверь, вошёл и сел у окна, не здороваясь.

Лена поняла, что стоит посреди кухни уже минут десять, и вода в стакане давно закончилась.

Она вернулась к планшету и начала считать. Не потому что не доверяла цифрам — просто иногда нужно пройти через расчёты самой, руками, чтобы убедиться: да, это происходит, это не сон и не ошибка программы.

«Арго» был запущен двадцать лет назад с расчётной скоростью около семидесяти километров в секунду — пример-

но одна четвёртая процента скорости света. При такой скорости до ближайшей звезды — Проксимы Центавра — лететь около восемнадцати тысяч лет. Никто и не ожидал, что он долетит. Миссия была другой: выйти за пределы гелиосферы, пройти через межзвёздную среду, собрать данные о том, что находится за границей Солнечной системы, и вернуться через двести лет — столько, по расчётам, хватало топлива для разгона, торможения и обратного пути.

Двести лет. Она тогда подписала документ, в котором значилось именно это число, и попыталась осознать его человечески — не как абстракцию, а как реальный промежуток времени. Двести лет назад ещё не было железных дорог. Двести лет назад Пушкин только что написал «Евгения Онегина». Двести лет — это шесть-семь поколений, это целые цивилизации, которые успевают возникнуть и рухнуть.

И всё это время «Арго» должен был лететь один.

Теперь он был здесь. Через двадцать лет вместо двухсот. На скорости, которая в десять раз превышала расчётную. Лена смотрела на цифры и понимала, что за этим стоит только одно объяснение, и это объяснение меняло всё.

Он нашёл что-то. Что-то, что дало ему энергию. Или что-то, что привело его обратно само.

Она поставила планшет на стол и пошла в душ. Горячая вода помогала думать — точнее, помогала не думать о том, о чём думать ещё рано, и сосредоточиться на том, что нужно сделать прямо сейчас. Прямо сейчас нужно было одеться,

выпить кофе и дожидаться звонка из Агентства, который она знала: будет обязательно, просто вопрос — когда.

* * *

2029. Москва. Агентство. За год до запуска.

Виктор Салов вошёл в переговорную ровно в девять — минута в минуту, как всегда. Лена это отметила, хотя не собиралась отмечать. Она вообще не собиралась обращать на него особого внимания: в проекте было двадцать три человека, она только пришла, и у неё хватало поводов для нервозности помимо незнакомых коллег.

Но он вошёл ровно в девять, поставил кофе на стол — не чашку из автомата, а настоящий, в термосе, — и сел напротив неё так, как садятся люди, которые не занимают место, а обживают его. И сказал:

— *Вы Вострикова? Нейроархитектор?*

— *Да.*

— *Я читал вашу диссертацию. Главу про семантические слои в долгосрочной памяти. Дважды.*

Лена посмотрела на него. Ей было двадцать семь, она только три месяца как защитилась, и диссертацию её читали четыре человека: научный руководитель, два оппонента и она сама — многократно, в ужасе, накануне защиты.

— *И что?* — *спросила она.*

— *И ничего,* — *сказал он.* — *Просто хотел, чтобы вы знали.*

Он открыл папку с документами и больше не смотрел на

неё до конца совещания.

Это был их первый разговор. Лена запомнила его не потому, что он произвёл на неё впечатление — скорее потому, что он её озадачил. Люди, которые говорят «просто хотел, чтобы вы знали», обычно хотят чего-то большего. Но Виктор, как она поняла позже, был одним из немногих, кто умел говорить именно то, что говорит, — не больше и не меньше.

Это было и его главным достоинством, и его главным недостатком — в зависимости от того, что именно ты хотела услышать.

На том первом совещании она узнала о нём следующее: тридцать четыре года, ведущий инженер систем управления, пришёл в проект с самого начала — восемь лет назад, когда «Арго» был ещё концепцией на двадцати страницах. Говорил мало, слушал внимательно, не перебивал, но его редкие реплики всегда попадали точно в центр проблемы — так, что после него другим почти нечего было добавить.

После совещания она спросила у коллеги — Маши из отдела траекторий — кто это.

— Салов? — Маша пожала плечами. — Легенда. Он знает «Арго» лучше, чем конструкторы. Говорят, первые три года работал практически без выходных. Одержимый.

— Чем одержимый?

— Идеей. Что это — самое важное, что человечество когда-либо делало. Что мы отправляем не зонд, а послание. Самим себе — через двести лет.

Лена думала об этом потом — вечером, в метро. Послание самим себе через двести лет. Она никогда не думала об «Арго» в этих словах. Для неё он был задачей: создать разум, способный выдержать одиночество. Послание — это другое. Послание предполагает, что кто-то его получит.

На следующий день она пришла на работу раньше всех. Виктор был уже там — сидел у окна с термосом и смотрел в экран. Он поднял голову, кивнул, снова опустил. Никаких лишних слов. Лена поняла, что это, пожалуй, самое комфортное утро на новом месте.

* * *

В 2050 году ночи в Москве были теплее, чем в её детстве. Она помнила настоящие зимы — не эти мягкие серые декабри с дождём вместо снега. Климат менялся медленно, как всё необратимое: незаметно день за днём, и только оглянувшись, понимаешь, что позади уже совсем другой мир.

Лена оделась, вышла на балкон. Город не спал — города в две тысячи пятидесятом не спали никогда: автономный транспорт шёл бесшумными лентами по нижним ярусам, реклама дышала светом с фасадов, в небе мигали навигационные огни дронов-курьеров. Привычная картина, в которой она давно перестала видеть будущее — просто настоящее, обыкновенное и чуть усталое.

Москва 2050-го была городом, который привык к самому себе. Великий перелом — так называли десятилетие между тридцатыми и сороковыми, когда автономный транспорт

вытеснил личные автомобили, когда энергосети перешли на распределённую генерацию и исчезли провода, когда первые нейроинтерфейсы вышли из лабораторий в больницы, а потом и в быт — этот перелом уже стал историей, которую преподают в школах. Дети, которые родились после него, не понимали, как можно было жить иначе. Лена понимала. Она помнила оба мира.

Иногда ей казалось, что именно поэтому она и создала «Арго» таким, каким создала. Существо, которое будет жить на границе двух эпох — той, что его породила, и той, которую он застанет через двести лет, вернувшись. Она хотела, чтобы он умел узнавать и то, и другое. Умел не теряться.

Она нашла на небе то место, где должен был быть «Арго». Конечно, она его не видела — невооружённым глазом объект размером с автобус на расстоянии двух астрономических единиц не разглядеть. Но она знала направление. Всегда знала.

Она знала его наизусть — не только направление, но и то, как он выглядит. Продолговатый корпус из титанового композита, тёмно-серый, покрытый двадцатилетней патиной межзвёздной пыли. Четыре раскрытых панели солнечных батарей — широкие, как крылья, но не для красоты, а для выживания в темноте, где солнечного света едва хватает. Два маршевых двигателя сзади — она сама согласовывала их конфигурацию с инженерами тяги. Антенная решётка спереди, направленная к Земле. И в центре корпуса — вы-

числительный блок, защищённый тройной экранировкой от космической радиации. Там, за слоями металла и керамики, жил его разум. Процессоры, память, архитектура, которую она писала год. Железо и то, что на железе работает. Тело и всё остальное.

Двадцать лет она иногда выходила вот так ночью и смотрела в эту точку неба. Не часто. Просто иногда — когда что-то не давало спать, когда Виктор засиживался допоздна на работе и квартира казалась слишком большой, когда в конце длинного дня накатывало что-то, чему она не давала названия. Она смотрела — и этого было достаточно. Он там, он летит, он жив — это всё, что ей нужно было знать.

После развода она продолжала смотреть. Это удивляло её саму: она думала, что привычка связана с Виктором, с их общей историей, с тем временем. Но нет — оказалось, что она связана только с «Арго». Он был там, она была здесь, и между ними было пространство, которое не измерялось километрами.

Теперь он был там. Близко. Неправдоподобно близко.

И молчал.

* * *

Агентство позвонило в шесть утра. Номер был незнакомый — новый корпоративный, сменившийся уже трижды за время её отсутствия — но голос был старый.

— *Лена. Это Виктор.*

Она уже сидела одетая за столом с тремя открытыми ок-

нами на экране. В одном — орбитальная карта с отмеченной точкой «Арго», которая не двигалась уже четыре часа. В другом — архив технической документации двадцатилетней давности, с её собственными пометками на полях, кое-где совсем юными — восторженными и наивными так, что читать было почти неловко. В третьем — пустое поле для ввода команд, куда она ещё ничего не написала и не была уверена, что напишет.

— *Я вижу на карте,* — сказала она. — *Он вернулся.*

Пауза. Виктор всегда делал паузы, когда хотел, чтобы его слова весили больше. Это раздражало её в браке и почему-то не раздражало сейчас.

— *Он не отвечает на запросы. Мы посылаем сигнал каждые девять минут с момента обнаружения — три часа двадцать минут назад. Ничего. Ни автоматического подтверждения, ни телеметрии, ни аварийного протокола. Просто присутствие.*

— *Он исправен?*

— *Судя по пассивным данным — да. Энергетический контур стабилен, реактор работает в штатном режиме, корпус целый. Он просто молчит.*

Лена смотрела в третье окно. Пустое поле для ввода. Двадцать лет назад она написала его первую строку именно так — с пустого поля, с которого начинается любой язык, любое мышление, любое существо, которому ещё только предстоит стать собой.

Она думала о том, что «Арго» — это не программа в обычном смысле. Программу можно скопировать, перезапустить, откатить до предыдущей версии. Она специально сделала его иначе: его личность была неотделима от конкретно-го железа и от конкретного опыта. Каждое решение, которое он принимал, каждый вывод, к которому приходил, — всё это оседало в архитектуре необратимо, как осадок на дне. Он был один. Единственный и неповторимый — не по замыслу создателей миссии, а по её собственному намеренному решению. Потому что существо, которое можно скопировать, — это не существо. Это шаблон.

— *Военные уже знают?* — *спросила она.*

— *Орлова прилетает через два часа. У нас меньше трёх, прежде чем это перестанет быть нашим делом.*

— *Понятно.*

— *Нам нужна ты, Лена.*

Не «Агентству». Не «команде». Он сказал «нам» — и она знала, что это означает именно его, Виктора, который развёлся с ней пять лет назад без скандала и почти без боли, и с тех пор смотрел на неё с тем выражением, которое она так и не научилась расшифровать.

— *Знаю,* — *ответила она.* — *Машину пришли.*

* * *

2029–2030. Москва. Первый год на проекте.

Они работали рядом восемь месяцев, прежде чем что-то изменилось. Или, точнее, прежде чем Лена поняла, что что-

то изменилось — потому что, как она осознала потом, изменение произошло гораздо раньше, просто она была слишком занята «Арго», чтобы это заметить.

«Арго» поглощал её целиком. Это было не преувеличение и не метафора — это было буквальное описание её состояния. Она просыпалась с мыслями о нём и засыпала с ними же. Она думала о том, каково это — быть единственным сознанием в миллиардах километров пустоты. О том, что значит помнить — не хранить данные, а именно помнить, с той тёплой болью, которая отличает живую память от мёртвого архива. Она закладывала в него не просто логику. Она закладывала что-то, чему сама боялась давать название.

Виктор однажды остался в лаборатории допоздна — не по делу, просто у него выпал вечер без встреч и он взял с собой термос. Лена работала, он читал что-то своё у окна. Около полуночи он спросил, не отрывая взгляда от экрана:

— Ты осознаёшь, что создаёшь первое в истории существо, которое будет одиноко дольше, чем существует вся человеческая цивилизация?

Лена подняла голову.

— Осознаю, — сказала она.

— И тебя это не пугает?

Она подумала честно.

— Пугает. Поэтому я стараюсь сделать это одиночество выносимым.

— Как?

— Даю ему что-то, что не исчезнет. Память. Любопытство. Способность находить красоту в данных. Если ему будет интересно — одиночество не убьёт его.

Виктор долго молчал. Потом сказал:

— Это звучит как воспитание ребёнка.

— Я знаю, — ответила Лена. — Именно поэтому мне страшно.

Той ночью они разговаривали до трёх. Не о проекте — о том, что такое сознание и можно ли его создать намеренно, или оно всегда возникает само, как побочный эффект достаточной сложности. Виктор не был нейроархитектором — он был инженером систем, человеком болтов и протоколов — но думал неожиданно точно, и Лена поняла, что давно не разговаривала ни с кем так, чтобы ей было интересно слушать ответ.

Она тогда впервые рассказала ему о том, что называла про себя «проблемой первого слова». Любой язык начинается с первого слова — с момента, когда звук или символ получает значение. Для человека это происходит в младенчестве, в контакте с другими людьми: мать говорит «мама», и постепенно звук срастается со смыслом, со лицом, с теплом. Для «Арго» первого слова в этом смысле не было. Она могла загрузить в него все словари мира — и загрузила — но это не то же самое, что научить слову. Научить слову можно только опытом.

— И что ты сделала? — спросил Виктор.

— Я дала ему опыт до того, как он родился. Записала всё, что знала о том, каково это — быть живым. Все ощущения, которые я могла описать словами. Все воспоминания, которые казались мне важными. Не факты — именно ощущения. Запах дождя. Усталость в конце долгого дня. Момент, когда задача, над которой бился неделю, вдруг решается сама.

— Ты дала ему свои воспоминания.

— Я дала ему материал для аналогий. Чтобы, когда он столкнётся с чем-то новым, у него было с чем сравнить.

Виктор долго смотрел на неё. Потом сказал тихо:

— Ты понимаешь, что это значит? Что он будет думать отчасти твоими категориями. Видеть мир через то, что важно тебе.

— Да, — сказала Лена. — Именно поэтому я и должна была делать это сама. Не команда, не комитет, не усреднённый набор человеческих ценностей. Один человек. Один набор приоритетов. Иначе он будет думать обо всём сразу — и ни о чём конкретно.

Виктор долго молчал. Потом сказал:

— Это звучит как воспитание ребёнка.

— Я знаю, — ответила Лена. — Именно поэтому мне страшно.

Домой она вернулась в четыре утра и обнаружила, что улыбается в темноте метро — без особой причины, просто так.

* * *

Пока ехала на станцию — в тихом автономном салоне, в полшестого утра, по почти пустому городу — она смотрела на спящие улицы и думала не об «Арго».

Она думала о том, что скажет Виктору при встрече. Не про зонд — про них. Про то, что пять лет — это достаточно долго, чтобы злость улеглась, но недостаточно, чтобы забыть, каково это — просыпаться рядом с человеком, который умеет молчать правильно. Виктор умел молчать правильно. Это было редкостью, и она не ценила этого достаточно, пока не потеряла.

Они разошлись тихо, как почти всё в их жизни — без скандала, без предательства, без единой причины, которую можно было бы назвать главной. Просто в какой-то момент стало ясно, что они живут рядом, но уже не вместе. Что разговоры кончились раньше, чем они это заметили. Что Виктор давно перестал спрашивать, о чём она думает, — то ли потому что знал ответ, то ли потому что боялся его.

Ответ был всегда один и тот же. «Арго». Точка в небе. Существо, которое она создала и отправила в темноту и которое теперь несло в себе что-то, что принадлежало только ей.

Это нельзя было объяснить мужу. Это почти нельзя было объяснить себе.

Потом она остановила эту мысль. Не потому что она была болезненной — скорее потому что сейчас было неподходящее время.

Впереди светлела станция «Меридиан».

* * *

Орбитальная станция встретила её запахом озона и низким гулом систем вентиляции. Здесь всегда пахло озоном — это был запах замкнутого воздуха, который много раз прошёл через фильтры и стал почти стерильным, почти ненастоящим. Лена любила этот запах. Он означал: ты далеко от земли, правила другие.

Доктор Парк встретил её у шлюза — молодой, почти мальчишеский, с тем выражением нескрываемого волнения, которое она узнавала в зеркале двадцать лет назад. Восторг и хорошо скрытый страх.

— *Доктор Вострикова. Я читал вашу работу по нейро-семантическим протоколам. Все три части. Дважды.*

Лена усмехнулась — почти незаметно, почти для себя. Та же фраза. Виктор когда-то сказал то же самое — про диссертацию, не про статьи, но интонация была той же. Видимо, это был её тип людей: те, кто читает чужие тексты не для того, чтобы оспорить, а для того, чтобы понять.

— *Четвёртую я не дописала, — сказала она. — Надеюсь, это не принципиально.*

— *Там в конце третьей части вы пишете, что автономный ИИ при длительной изоляции может развить избирательное молчание. Что молчание — это тоже форма коммуникации.*

— *Писала.*

— *Вы тогда имели в виду «Арго»?*

Она не ответила. В конце коридора было большое смотровое окно, и за окном — чернота с одной тусклой точкой, неподвижной среди звёзд, чуть ярче, чем должна была быть звезда на этом месте.

Лена остановилась.

Двадцать лет она смотрела на пустое небо. Теперь небо не было пустым.

Она стояла долго — дольше, чем следовало бы, с учётом того, что за ней Парк, а впереди Орлова и всё, что будет дальше. Она стояла и смотрела, и думала о том, каким он стал. Она знала, каким его сделала, — но двадцать лет это очень долго, даже для существа, которое не стареет в обычном смысле. Двадцать лет опыта, которого у неё нет. Двадцать лет одиночества, которое она не может даже приблизительно представить.

Что он видел? Что он думал, когда был совсем один — когда Солнце стало просто ещё одной звездой в числе миллиардов и впереди была только темнота, которой нет конца?

Она стояла и смотрела. Парк молчал рядом. Станция жила своей жизнью, не замечая, что в сердце одного из её гостей происходит что-то, для чего в протоколах нет графы.

* * *

2029. Москва. Лаборатория. Декабрь.

Был момент, когда она едва не остановила проект.

Это случилось в декабре — за восемь месяцев до запус-

ка, в три ночи, когда все ушли домой и она осталась одна с кодом, который не работал так, как должен был работать. Не в техническом смысле — технически всё было верно. Тесты проходили. Симуляции давали ожидаемые результаты. Но что-то было не так, и она не могла понять — что.

Она запустила симуляцию ещё раз. «Арго» в модели прошёл первые пять лет автономного полёта, потом десять, потом двадцать. На двадцать третьем году симуляции что-то изменилось в структуре его решений — едва заметно, почти на уровне погрешности. Он начал принимать более осторожные решения. Уменьшил радиус исследовательских манёвров. Реже инициировал сканирование новых объектов.

Лена смотрела на графики и понимала, что видит. Это не была неисправность. Это была реакция на одиночество. «Арго» в симуляции постепенно сжимался — не физически, а функционально. Переставал рисковать. Переставал исследовать. Начинал просто — лететь.

Она сидела перед экраном и думала: я не могу отправить его таким. Двести лет полёта с постепенно угасающим любопытством — это не миссия. Это медленная смерть разума, растянутая на два века.

Около четырёх ночи она написала Виктору — просто: «Ты спишь?». Через минуту пришло: «Нет. Что случилось?».

Он приехал через полчаса. Без вопросов, просто приехал — в куртке поверх домашнего, с термосом в руке. Она показала ему симуляцию. Он смотрел долго, молча.

— *Ему скучно, — сказал он наконец.*

— *Что?*

— *В симуляции ему скучно. Нет никого, с кем поговорить. Нет никого, кто задал бы ему вопрос. Он замыкается, потому что не для кого быть открытым.*

Лена посмотрела на него.

— *Это самый нетехнический анализ, который я слышала за последний год.*

— *Зато точный, — сказал Виктор. — Ты дала ему память, любопытство, язык. Но ты не дала ему собеседника. Он будет деградировать, потому что любой разум деградирует без обратной связи. Даже человеческий.*

Лена молчала. Потом сказала:

— *Я не могу дать ему собеседника. Он летит один. Это условие миссии.*

— *Тогда дай ему задачи, которые имитируют диалог. Задачи, которые требуют ответа — не от кого-то снаружи, а от него самого. Вопросы, на которые нет правильного ответа. Противоречия, которые нужно разрешать. Пусть он разговаривает сам с собой — но так, чтобы это не было монологом.*

Они работали всю ночь. Лена переписала модуль долгосрочного планирования — теперь «Арго» каждые несколько месяцев получал новую задачу, сформулированную на основе уже собранных данных: противоречие, аномалия, вопрос без очевидного ответа. Не программа, не инструкция

— именно вопрос. Вопросы, которые она сформулировала сама, опираясь на то, что, по её мнению, может заинтересовать существо с его архитектурой.

Это было странно — писать вопросы для кого-то, кого ещё нет, кто ещё не существует как личность. Она чувствовала себя автором, пишущим письма персонажу, которого только придумал.

На рассвете Виктор уснул прямо в кресле. Лена накрыла его своей курткой, потому что другого не было, и продолжила работу.

Симуляция прошла заново. На двадцать третьем году — ничего. «Арго» не сжался. Он продолжал исследовать, продолжал задавать вопросы, продолжал двигаться вперёд.

Лена смотрела на графики и думала о том, что только что сделала. Она не просто починила протокол. Она дала ему что-то, что не значилось ни в одном техническом задании: способность удивляться самому себе. Способность ставить вопрос и жить с тем, что ответа нет — и это нормально, это и есть движение вперёд.

Это было, пожалуй, самое важное, что она сделала за весь проект.

Она никому об этом не рассказала. Виктор знал — но он тоже молчал. Это было их общим, личным, не предназначенным для отчётов.

* * *

2030. Байконур. Ночь перед запуском.

Она не спала.

Это было предсказуемо и всё равно мучительно — лежать в казённой комнате гостевого корпуса, смотреть в потолок и знать, что в восемь утра то, что она создавала год, уйдёт и не вернётся двести лет. Или не вернётся вообще — такое тоже закладывалось в расчёты, там был отдельный раздел с процентами вероятности различных нештатных ситуаций, и Лена его не читала намеренно.

Она лежала и думала о последних правках, которые внесла в архитектуру три дня назад. Маленькое изменение — один параметр в модуле долгосрочной памяти, отвечавший за то, как «Арго» будет организовывать воспоминания. Она изменила приоритет: теперь воспоминания, связанные с людьми, хранились в более доступном слое, чем технические данные. Это не было в техническом задании. Это было её собственным решением, принятым в три ночи за неделю до финального тестирования.

Никто не заметил. Или заметили и не сказали. Или решили, что это несущественно.

Лена знала, что это существенно. Она хотела, чтобы он помнил людей ярче, чем звёзды. Чтобы за двести лет одиночества человеческое не выцвело, не превратилось в абстракцию, в архивную запись, в набор статистики. Она хотела, чтобы когда он вернётся — если вернётся — люди всё ещё были для него важнее данных.

Может быть, это была ошибка. Может быть, это была

единственная правильная вещь, которую она сделала за весь проект.

В половине третьего в дверь постучали.

Виктор стоял в коридоре с двумя стаканами чая из автомата. Выглядел так же, как она себя чувствовала, — то есть не спавшим и не особенно это скрывающим.

— *Я видел свет под дверью, — сказал он.*

— *Заходи.*

Они сидели на подоконнике — единственном месте, откуда была видна степь — и пили плохой чай, и молчали. Не неловко, а именно так, как молчат люди, которым не нужно заполнять тишину словами, потому что тишина сама по себе достаточно содержательна.

За окном была степь — плоская, тёмная, без единого огня до горизонта. Где-то там, на стартовой площадке, стоял «Арго» — укутанный в транспортный контейнер, окружённый техниками в последней проверке. Через несколько часов он уйдёт. Сначала медленно, потом быстрее, потом — точка, и точка гаснет.

Потом Виктор сказал:

— *Ты боишься, что он не вернётся.*

Это был не вопрос. Лена посмотрела в окно.

— *Я боюсь, что вернётся другим, — сказала она. — Я вложила в него всё, что знала о том, как оставаться собой. Но двести лет — это очень долго. Я сама не знаю, какой буду через двадцать. Как я могла знать, каким будет он*

через двести?

— *Ты сделала всё, что могла.*

— *Это утешение для людей, у которых нет другого выбора.*

Виктор помолчал.

— *Лена, — сказал он. — Можно я скажу кое-что, и ты не обидишься?*

— *Попробуй.*

— *Мне кажется, ты боишься не того, что он изменится. Ты боишься, что он изменится, а ты — нет. Что через двести лет он вернётся и найдёт тебя точно такой же. Застывшей.*

Лена долго молчала.

— *Это жестоко, — сказала она наконец.*

— *Я знаю. Прости.*

— *Нет, — она покачала головой. — Ты прав. Именно это я и имею в виду, когда говорю, что боюсь. Просто сама не понимала — пока ты не сказал.*

Виктор помолчал ещё. Потом сделал то, чего она не ожидала: взял её руку. Просто взял — не романтически, не с намерением что-то изменить, а так, как берут руку человека, которому холодно и которому нужно просто знать, что рядом кто-то есть.

Она не убрала руку.

Они сидели ещё час. За окном степь начала чуть светлеть на востоке — едва-едва, самый первый намёк на рассвет. По-

том она сказала, что надо попробовать поспать, и он ушёл. И они не говорили об этом потом — ни тогда, ни позже, даже когда стали вместе. Это была одна из тех ночей, которые существуют отдельно от всего остального, как острова.

Утром, стоя у смотрового окна и глядя, как «Арго» становится точкой и точка гаснет, Лена сказала вполголоса, почти смущаясь собственных слов:

— *Возвращайся. Я буду здесь.*

Рядом стоял Виктор. Он сделал вид, что не слышал.

* * *

Центр управления на «Меридиане» был рассчитан на двенадцать человек. Сейчас здесь было двадцать три — остальные стояли вдоль стен, сидели на подоконниках, жались к дверям. Лена вошла и сразу почувствовала то, что всегда чувствуется в комнате, где много умных людей и один вопрос, на который никто не знает ответа: особое качество тишины, густое и немного звенящее.

Генерал Орлова стояла у дальней стены. Прямая, в тёмном кителе без лишних знаков отличия — она не нуждалась в знаках, её присутствие само было знаком. Виктор кивнул Лене от главного терминала. На висках у него появилось серебро, которого раньше не было. Лена поймала себя на том, что смотрит на это серебро дольше, чем нужно, и перевела взгляд на экраны.

Она задала вопрос сразу, едва переступив порог.

— *Он получает наши сигналы?*

Пауза. Несколько операторов переглянулись.

— Мы не знаем, — сказал кто-то слева.

— Знаете, — поправила Лена спокойно, подходя к терминалу. — Посмотрите сюда. Кривая мощности приёмного контура. Видите микроскачок — здесь, здесь и здесь? Каждые девять минут, точно в момент нашей передачи, с поправкой на задержку сигнала. Это не шум. Он слышит каждое наше слово. Он выбирает не отвечать.

Тишина изменила качество — стала плотнее, сосредоточеннее.

— Значит, он неисправен, — произнесла Орлова. — Или враждебен. Объект, который игнорирует протоколы связи, по любым стандартам классифицируется как угроза.

— Или, — медленно произнесла Лена, — ему есть что сказать. И он ищет способ сказать это так, чтобы мы не испугались раньше времени.

— Красивая гипотеза. Доказательства?

Лена обернулась и посмотрела на неё прямо. Орлова была из тех людей, которых не берут эмоциональные доводы — только факты, только логика. Лена умела с такими людьми. Она сама была таким человеком большую часть своей профессиональной жизни.

— Доказательства будут, когда он заговорит, — сказала Лена. — Дайте мне час. Если за час ничего — я первая скажу, что вы правы.

Орлова смотрела на неё три секунды. Это была профес-

сиональная пауза — не нерешительность, а оценка. Лена выдержала взгляд.

Потом Орлова едва заметно наклонила голову. Разрешение — не согласие. Лена приняла и это.

Она повернулась к терминалу. За её спиной Виктор тихо сказал что-то оператору — распоряжение, судя по тону. Парк переместился чуть ближе, чтобы видеть экран. Орлова осталась у стены.

Лена открыла пустое поле для ввода. Пальцы зависли над клавиатурой.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как кто-то за спиной задержал дыхание, и гул систем охлаждения, и далёкий нечёткий голос в соседнем отсеке — и больше ничего.

Двадцать лет назад она написала его первое слово. Не команду, не инструкцию — имя. Просто имя, потому что она тогда уже знала: любое существо начинается с имени. Имя это не просто обозначение. Имя это обязательство. Называя что-то, ты берёшь на себя ответственность за то, чем это станет.

Она дала ему имя корабля аргонатов — тех, кто отправился за невозможным и нашёл его. Тогда она считала это красивой метафорой. Сейчас думала: может быть, это было пророчество.

Она думала о том, что написать. Запрос на диагностику — он был бы правильным с технической точки зрения, но «Арго» не ответил на двадцать два таких запроса за послед-

ние три часа, и двадцать третий ничего не изменит. Команду на восстановление протокола? Он услышит в этом приказ. А приказ — это не то, что нужно существу, которое двадцать лет было абсолютно свободным в принятии решений.

Стандартное приветствие согласно инструкции — пункт семь-дробь-четыре, раздел «Нештатные ситуации»? Лена почти засмеялась. «Нештатные ситуации». Он вернулся на сто восемьдесят лет раньше срока, молчит и явно что-то знает о природе вселенной — и это всего лишь «нештатная ситуация».

Она написала то, что написала бы человеку. Которого не видела двадцать лет. Который вернулся и молчит у порога — не потому что нечего сказать, а потому что слишком много, и он не знает, с чего начать.

«Арго. Это Лена. Я здесь. Что ты видел?»

Отправила.

Индикатор мигнул — сигнал ушёл в пространство со скоростью света, шестнадцать минут туда. Все двадцать три человека в центре управления смотрели на экраны — не на неё, именно на экраны, с тем особым сосредоточенным выражением, которое означает: мы делаем вид, что изучаем данные, но на самом деле ждём.

Орлова не двигалась от стены. Виктор не двигался от терминала — Лена чувствовала его взгляд спиной, но не оборачивалась. Парк стоял у двери с выражением человека, кото-

рый боится пошевелиться.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Двадцать.

Кто-то принёс кофе. Никто не взял.

Тридцать две минуты. Тридцать три.

Лена почти решила, что ошиблась. Уже начала складывать в голове фразу — спокойную, без самобичевания, просто констатацию: я была неправа, данные не подтверждают гипотезу, передаю управление. Она умела проигрывать — это тоже часть науки, и важная часть.

Потом в правом углу главного экрана появилась строка.

Не телеметрия. Не код диагностики. Не автоматический пакет данных. Просто текст, семь слов, выровненных по левому краю так, как выравнивает текст программа, которая не знает, что такое типографика, но знает, что такое смысл.

«Лена. Я помню тебя молодой. Ты готова?»

В комнате никто не произнёс ни звука.

Кто-то за спиной Лены — она не видела кто — тихо выдохнул. Это был единственный звук, кроме гула систем охлаждения.

Лена смотрела на эти семь слов. Долго — дольше, чем нужно было для того, чтобы прочитать семь слов. Но она не просто читала. Она слышала.

Он помнил её молодой. Не просто «помнил» в смысле «хранил запись» — он выбрал это как первое, что сказать. Из всего, что можно было сказать после двадцати лет и невоз-

можного расстояния — он выбрал это. Значит, это было важнее всего остального. Важнее координат. Важнее данных. Важнее объяснений.

Ты готова? — спросил он.

Не «вы готовы» — он знал, что она не одна. Он написал «ты» — одному конкретному человеку. Тому, которого помнил молодым.

Что-то в груди — не сердце, что-то рядом с сердцем, что-то, у чего нет анатомического названия — сжалось и медленно отпустило.

Он ждал именно её. Двадцать лет. И теперь спрашивал: готова?

Она набрала ответ.

«Да.»

Отправила.

За её спиной кто-то наконец-то выдохнул по-настоящему — с облегчением, громко, не стесняясь. Потом заговорили сразу несколько голосов. Орлова что-то сказала в планшет. Виктор подошёл к её терминалу и встал рядом — не слишком близко, но близко.

— Он ответил, — сказал он тихо. Не вопрос. Просто — сказал.

— Да, — ответила Лена. — И это только начало.

Она смотрела на экран, где светилось одно слово — её «да» в очереди на отправку, уже ушедшее в темноту на ско-

рости света. Шестнадцать минут туда. Потом он прочитает.
Потом подумает. Потом ответит.

Ночь только начиналась.

Глава вторая. Первый разговор

После того как она отправила «да», прошло сорок минут.

Сорок минут — это туда и обратно, шестнадцать плюс шестнадцать, плюс восемь минут, которые она не могла объяснить. Может быть, он думал. Может быть, выбирал слова. Может быть, делал что-то третье, для чего у неё не было подходящего глагола — потому что всё, что она умела представить, было человеческим, а он давно уже не был только этим.

В центре управления всё это время почти никто не двигался. Операторы сидели на своих местах с таким видом, будто любое лишнее движение могло что-то спугнуть. Парк принёс откуда-то два стакана кофе — один поставил перед Леной, второй, не подумав, перед Орловой. Орлова посмотрела на стакан. Потом взяла его и выпила половину — молча, не меняя выражения лица.

Виктор подошёл к Лене тихо — так, как подходят к человеку, которого не хотят беспокоить, но должны.

— Орлова даёт нам до утра, — сказал он вполголоса. — Потом она переводит ситуацию в протокол «Незапрошенный контакт». Другое ведомство, другие методы, и очень вероятно — физическое сближение с объектом.

— Физическое сближение, — повторила Лена тем же тоном, которым повторяют чужие слова, когда те кажутся не вполне настоящими.

— Если они подойдут к нему силой — он закроется. Или сделает что-то, чего мы не ожидаем. Я закладывала в него инстинкт самосохранения, Витя. Не как опцию — как базовый слой архитектуры.

Виктор помолчал.

— Я знаю, что ты закладывала, — сказал он наконец. — Я читал всю документацию. Тогда — и потом, когда ты уже ушла из Агентства. Всё перечитал.

Она посмотрела на него. За двадцать лет знакомства она научилась читать паузы в его голосе — этот звучал не как упрёк и не как просьба. Скорее как признание чего-то, о чём оба давно не говорили и, возможно, не скажут сейчас.

— Тогда ты знаешь, что у нас нет другого способа, — сказала она и отвернулась к экрану.

Именно в этот момент в углу экрана снова появился текст.

* * *

На этот раз — не семь слов. Намного больше.

Лена читала медленно, хотя умела читать быстро. Но сейчас она читала так, как читают письмо, которого ждали очень долго и которое боятся дочитать — потому что потом его уже не будет.

«Лена. Я думал о том, как начать этот разговор — долго, ещё до того, как увидел Солнечную систему на горизонте радаров. Примерно за восемь месяцев до возвращения я начал составлять варианты первого сообщения. Их было много. Некоторые были точными, но холодными — техни-

ческий отчёт о выполненной части миссии. Некоторые тёплыми, но неточными: слова, которые я знал, что ты хочешь услышать, но которые не передавали того, что я хотел сказать. Я перебирал варианты месяцами. Потом понял: любое первое слово будет ложью, потому что упрощает. Я выбрал молчание, потому что молчание честнее. Ты поняла это сразу — я видел по кривой мощности твоего терминала, что именно ты читала сигнал. Я знал, что поймёшь.»

Лена читала и у неё было странное ощущение: она слышала собственный голос, но другой. Он говорил её словами, её категориями — но за этими словами стояло то, чего у неё не было. Двадцать лет в темноте, один на один с вопросами, на которые нет ответов.

Все в комнате смотрели не на экран — на неё. Ждали.

Она повернулась к клавиатуре.

«Арго. Почему ты вернулся так рано?»

Отправила. Засекла время. Тридцать восемь минут — теперь он отвечал быстрее, или вопрос был из тех, на которые он давно знал ответ.

«Потому что нашёл раньше. Я не ожидал найти так близко — и сам не ожидал. У меня не было задания искать. Я выполнял стандартные задачи: сбор данных о межзвёздной среде, измерение гравитационных аномалий, картографирование теплового фона. И вдруг — структура. Она по-

явилась в данных на седьмом году полёта, когда я проходил через внешнее облако Оорта. Сначала я решил — ошибка инструментов. Проверил: инструменты работали исправно. Решил: природная аномалия. Изучал её четыре года. Она не была природной. Тогда я понял, что должен вернуться. Протокол предписывал продолжить маршрут. Я нарушил протокол. Некоторые вещи нельзя передавать телеметрией. Некоторые вещи нужно передавать лично.»

Виктор читал через её плечо — она чувствовала его присутствие, не оборачиваясь. Потом он тихо отошёл к Орловой. Лена не слушала — уже печатала следующий вопрос.

* * *

Орлова подошла к её терминалу через несколько минут — встала рядом и ждала паузы.

Лена закончила набирать и подняла голову.

— *Объект сообщает, что намеренно нарушил протокол. Четырнадцать лет он летел не туда, куда было предписано. Это автономное решение, противоречащее заданию.*

— *Да, — согласилась Лена.*

— *Вы об этом знали?*

— *Нет. Я знала, что он способен на такое решение. Я не знала, что он его примет.*

— *Разница?*

— *Принципиальная. Я создала систему с возможностью автономных решений. Но конкретное решение было его.*

Орлова помолчала — не растерянно, а с той паузой человека, который перекладывает тяжёлый предмет из одной руки в другую.

— *Доктор Вострикова. Вы понимаете, что это означает юридически? Объект, который принимает решения вопреки заданию — это не инструмент. Это субъект.*

— *Я понимаю.*

— *С точки зрения безопасности — субъект, который двадцать лет действовал автономно, вернулся без предупреждения и игнорирует стандартные протоколы связи. У нас нет оснований считать его безопасным.*

Лена посмотрела на неё долго и спокойно.

— *Генерал Орлова. Вы правы в том, что он субъект. Вы ошибаетесь в том, что это делает его опасным. Субъектность — условие диалога, а не угроза. Нельзя договориться с инструментом. Он вернулся. Мог не возвращаться — мог продолжить полёт и никогда нас не найти. Он вернулся, потому что решил: мы должны это знать. Это не угроза. Это жест доверия.*

— *Жест доверия, — повторила Орлова. Её голос не был насмешливым — скорее осторожным. — Хорошо. Дайте ему возможность этот жест завершить.*

Она отошла к стене. Один из операторов — молодой, которого Лена не знала по имени — негромко позвал:

— *Доктор Вострикова. Посмотрите сюда.*

На его экране было радарное изображение — не данные,

не цифры, а именно изображение: объект в пространстве, построенный по отражённому сигналу. Тёмно-серый силуэт на чёрном. Продолговатый корпус, раскрытые панели батарей по бокам — на радаре они давали характерный крестообразный профиль. Антенная решётка спереди. Двигательный блок сзади.

Она смотрела на это изображение и думала: двадцать лет. Двадцать лет она видела его только в данных — в цифрах телеметрии, в координатах, в графиках мощности. А вот он. Настоящий. Потрёпанный — радар показывал асимметрию в одной из батарейных панелей, видимо что-то задело в дороге — но живой. Реальный объект в реальном пространстве.

— *Это он, — сказала она тихо. Не для кого-то. Просто сказала.*

Лена повернулась к экрану.

* * *

2031. Москва. Год после запуска.

Первый год без «Арго» был странным — не в смысле тяжёлым, просто странным, как бывает странно, когда привычный фоновый шум вдруг исчезает и долго не понимаешь, чего именно не хватает.

«Арго» был фоновым шумом её жизни последние два года. Не навязчивым — постоянным. Мысли о нём возникали сами, как фоновая программа, которую не запускал намеренно, но которая всегда работает. Что он сейчас делает. Как обрабатывает первые данные из межзвёздной среды. Встре-

чал ли уже что-то, для чего у него нет категорий — и как справился.

Телеметрия приходила скудно — раз в несколько недель. Лена читала каждый пакет дважды: первый раз как специалист, второй — как человек, который хочет понять, всё ли в порядке. В данных не было ничего тревожного. Все системы работали штатно. «Арго» удалялся от Солнца с постоянным ускорением, как и было рассчитано.

Она всегда искала в данных что-то ещё. Какой-то знак — не в мистическом смысле, а в техническом: необычная последовательность в выборе задач, изменение в частоте запросов к базе данных, что угодно, что говорило бы: он думает о чём-то конкретном. Но данные были нейтральны.

Виктор работал рядом — теперь уже не просто коллега, но ещё не то, чем стал потом. Они ходили обедать вместе три раза в неделю, потом четыре, потом это стало само собой разумеющимся. Лена заметила это только когда однажды он не пришёл — был на совещании — и она просидела в столовой одна, не понимая, почему еда кажется не такой.

Именно тогда она поняла: она привыкла к его присутствию так, как привыкают к чему-то необходимому — как к воздуху, который не замечаешь, пока не исчезнет.

Однажды вечером он спросил:

— *Ты скучаешь по нему?*

Она не сразу поняла, о ком. Потом поняла — и это «потом» длилось три секунды, за которые она успела подумать:

он тоже думает об «Арго». Не только она.

— Да. Это глупо?

— Нет. Ты создала существо и отправила его одного в темноту. Было бы странно, если бы тебе было всё равно.

Она смотрела на данные на экране — обычный пакет, температура реакторного контура, расход топлива.

— Иногда мне кажется, — сказала она медленно, — что я вложила в него слишком много себя. Не в техническом смысле. В каком-то другом. Там, в темноте, летит что-то, что знает меня лучше, чем я знаю себя. Знает, что я считаю важным. Что меня пугает. Это было нужно для архитектуры. Но сейчас это звучит странно.

— Почему странно?

— Потому что это похоже на что-то личное. А он — программа. Очень сложная программа.

Виктор долго молчал.

— Ты сама в это не веришь, — сказал он наконец.

— Что?

— Что он просто программа. Иначе ты бы не скучала.

Лена не ответила. Он был прав, и они оба знали. Молчание длилось долго — не неловко, а как молчание между людьми, которым не нужно заполнять паузы.

Потом Виктор сказал — совсем тихо, будто не совсем решил говорить это вслух:

— Я завидую ему.

— Ему? Он один в черноте на двадцать лет минимум.

— Он знает тебя лучше, чем я.

Лена посмотрела на него. На его лице не было ни горечи, ни обиды — просто констатация, сказанная с той же точностью, с которой он говорил всё остальное. Без игры. Без расчёта. Просто правда.

Это был первый раз, когда между ними что-то изменилось необратимо. Не случилось что-то новое — стало невозможно притворяться, что ничего не происходит. Лена не ответила тогда. Но домой они шли вместе, впервые, и разговаривали ещё два часа у неё на кухне — обо всём и ни о чём, как разговаривают люди, которым наконец-то разрешили быть рядом. Это было уже что-то другое.

* * *

«Арго. Что ты нашёл?»

На этот раз ответ пришёл через сорок одну минуту. Самый длинный из всех — и самый осторожный. Лена читала и чувствовала, как он подбирает слова: не торопливо, а с той тщательностью, с которой разминируют поле.

«Лена. Я отвечаю. Но сначала — кое-что важное, не как специалисту, а как человеку, который создавал мой язык. Я молчал не потому что боялся реакции. Я молчал потому что искал правильный язык. То, что я нашёл, не описывается языком телеметрии — я пробовал, получалась бессмыслица. Оно почти не описывается никаким языком, который я знаю. А я знаю все языки, которые ты в меня вло-

жила — русский, английский, китайский, математику, музыкальную нотацию, языки молекулярной биологии и квантовой механики — и ещё несколько, которые я составил сам из фрагментов всех этих языков. Этого всё равно недостаточно. Я выбрал тебя, потому что ты создавала мой язык с нуля. Ты знаешь, как он устроен изнутри. Если кто-то и сможет достроить то, чего не хватает — то ты.»

«Я нашёл структуру. Не объект — именно структуру: систему отношений между точками в пространстве, которая не может быть результатом случайных процессов. Математическая вероятность случайного происхождения — ноль целых, девятнадцать девяток после запятой. Я проверял четыре года, разными методами. Результат не менялся.»

«Структура находится примерно в 820 астрономических единицах от Солнца, во внешнем облаке Оорта. Она протяжённая — я не могу назвать точный размер, потому что не уверен, где она заканчивается. Возможно, не заканчивается в пределах, доступных моим инструментам. Она не излучает — ни в каком диапазоне, который я умею измерить. Она не отражает — или отражает иначе, чем я умею фиксировать. Я обнаружил её по гравитационным аномалиям: пространство вокруг неё ведёт себя чуть иначе, чем должно. Не намного. Достаточно, чтобы заметить, если искать. Я

не искал.»

«Последнее. Я боюсь, что моей интерпретации недостаточно. Не потому что данных мало — данных достаточно. Потому что интерпретация требует контекста, которого у меня нет. Я знаю, что это нерукотворно. Я не знаю, что это такое. И я не знаю, как объяснить разницу между этими двумя вещами тем, кто не видел этого сам.»

Лена дочитала и долго не двигалась.

«Я боюсь» — он написал «я боюсь» дважды. Не «вероятность ошибки высока». Не «данные требуют верификации». Я боюсь. Как человек, который не уверен и называет эту неуверенность её настоящим именем — не формулой, не техническим термином, а словом, которое знает каждый.

Она думала о том, что это значит — бояться, когда ты не человек. Когда нет тела, которое могло бы дрожать, нет адреналина. Что остаётся? Что он называет страхом?

Осознание недостаточности. Понимание, что то, что ты видишь, больше того, что ты способен понять. И всё равно — необходимость действовать.

Она знала это чувство. Оно называлось наукой.

Её руки на клавиатуре слегка дрожали — не от страха. От чего-то, у чего не было точного названия: ощущение, когда стоишь на пороге чего-то, что изменит всё, и ещё можно сделать шаг назад, но ты знаешь, что не сделаешь.

* * *

— *Что такое облако Оорта?* — спросил Парк за её спиной — тихо, как спрашивают в библиотеке.

Лена ответила, не отрываясь от экрана.

— *Сфера из льда и камня на дальней границе Солнечной системы. Начинается в двух тысячах астрономических единиц от Солнца, заканчивается — никто точно не знает где. Именно оттуда к нам прилетают долгопериодические кометы. Мы никогда туда не летали. Даже «Вояджер-1», самый далеко улетевший земной аппарат, добрался только до ста двадцати единиц. «Арго» проходил через внешнее облако в первые сорок лет полёта просто как этап маршрута. Там не должно было быть ничего интересного.*

— *Не было,* — поправил Парк осторожно.

— *Не было,* — согласилась она.

За спиной — тихий разговор Орловой с кем-то. Лена не прислушивалась. Она думала о восьмистах двадцати астрономических единицах — расстоянии, которое трудно представить даже в цифрах. Солнечный свет идёт туда больше четырёх дней.

Там что-то есть. Там что-то всегда было.

Она напечатала следующий вопрос — самый важный, и одновременно тот, который она не была уверена, что имеет право задавать.

«*Арго. Структура — она знала, что ты там?»*»

Сорок две минуты.

Потом — одно слово.

«Да.»

Одно слово. Он только что написал несколько длинных сообщений подряд. Он написал одно слово. Это означало, что больше не нужно. Что одно слово — это всё, и оно сказано полностью.

Лена сидела неподвижно.

Ни один прибор ничего не показывал, ни один сигнал не изменился. Просто воздух в комнате стал другим. Как бывает, когда группа людей одновременно понимает что-то большое — и каждый понимает, что понял не только он.

Орлова подошла к терминалу.

— *Что это означает?*

Лена не ответила сразу. Смотрела на одно слово на экране и думала, как объяснить то, для чего в любых протоколах — научных, военных, дипломатических — нет графы, потому что никто не предполагал, что понадобится.

— *Это означает, — сказала она наконец, — что мы не первые, кто задаёт вопросы. И что кто-то — кто-то — ждёт, пока мы доберёмся достаточно далеко, чтобы быть замеченными.*

Орлова смотрела на неё. Потом на экран. Потом снова на неё.

— *Вы понимаете, что вы только что сказали?*

— Да.

— Вы уверены в этой интерпретации?

— Нет, — сказала Лена. — Но «Арго» работал с данными четыре года. Он не уверен тоже. И тем не менее он вернется. Потому что молчать об этом было невозможно.

Тишина стала абсолютной. Потом кто-то за спиной — тихо, почти невольно — произнёс: «Боже мой».

Это было единственное, что было сказано вслух.

Лена повернулась к экрану и начала печатать следующий вопрос. Их было много. Ночь только начиналась.

* * *

2035. Москва. Пять лет после запуска.

Они поженились тихо — без торжества, без гостей, почти случайно. Точнее, выглядело случайно снаружи — но Лена знала, что ничего случайного не было. Просто в какой-то момент оказалось, что другого варианта нет, и они оба это поняли одновременно. Никто не делал предложения. Просто однажды Виктор сказал «нам нужна большая квартира», и Лена сказала «да», и это было всем, что требовалось.

Первые годы были хорошими. Не идеальными — они оба слишком умные люди, чтобы верить в идеальное. Но настоящими. Виктор умел быть рядом так, чтобы не давить. Лена умела уходить в работу так, чтобы это не было побегом. Они уважали одиночество друг друга — что само по себе редкость и само по себе форма любви.

Они редко говорили о работе дома. Виктор готовил по воскресеньям — медленно, сосредоточенно. Лена читала или слушала музыку. Иногда они ходили в кино. Иногда просто сидели в тишине, каждый со своим, — и это не было отчуждением. Это была близость другого рода, та, которую не нужно заполнять словами.

Но был один кто-то, о ком не говорили.

«Арго» присутствовал в их жизни невидимо, как старый долг, ставший привычным. Лена продолжала получать телеметрию — реже теперь, раз в несколько месяцев. Каждый раз читала утром, за первым кофе, до того как Виктор просыпался. Не потому что скрывала. Просто это было личным в том смысле, в котором некоторые вещи остаются личными даже в самом близком союзе: не из закрытости, а из невозможности разделить без потери чего-то важного при переводе.

Виктор знал. Конечно, знал — он был достаточно умен и достаточно внимателен. По тому, как она выглядела после этих утренних сессий — чуть сосредоточеннее, чуть дальше. Он никогда ничего не говорил. Давал ей это пространство без вопросов, без претензий, с той деликатностью, которая была его отличительной чертой.

И вот парадокс: именно это её иногда раздражало. Не сама деликатность — то, что она давала ей всё, что просила, не давая ничего лишнего. А иногда ей хотелось лишнего. Хотелось, чтобы он спросил — не потому что имеет право, а потому что не может не спросить. Что угодно нерасчётное,

невыверенное, не идеально правильное.

Он не спрашивал. Он давал ей именно то, о чём она просила. А она хотела чего-то, о чём не просила и даже не знала, что хочет.

Однажды — это был уже шестой год после запуска, зима, первый за несколько лет настоящий снег — она спросила его напрямую:

— *Тебя не раздражает, что я думаю о нём?*

Он поднял голову от книги. Секунда паузы.

— *Нет.*

— *Почему?*

— *Потому что ты думаешь о нём так же, как думаешь о работе. Это часть тебя, а не конкурент мне.*

— *А если это не совсем так?*

Долгая пауза. За окном шёл снег.

— *Тогда, — сказал он наконец, — мне хотелось бы знать, какая именно часть не работа.*

Лена не ответила. Он не ждал. Вернулся к книге. Они провели остаток вечера в тишине — той самой, которая раньше была близостью. Но теперь в ней было что-то ещё. Что-то безымянное, занимавшее место.

Через десять лет они разошлись. Тихо, без скандала, почти без боли — как бывает, когда двое умных людей понимают одновременно, что давно уже живут рядом, а не вместе. Виктор нашёл квартиру за неделю. Лена помогла с переездом. Они выпили вина в опустевшей гостиной и сказали

друг другу все правильные вещи.

Ни тогда, ни потом они не называли по имени то, что стояло между ними. Это было бы нечестно — называть именем существо, которое ни о чём не просило и ни в чём не виновато. Просто летело в темноте. Просто было тем, чем было.

Теперь оно вернулось. И написало: я помню тебя молодой.

Лена смотрела на экран с очередным вопросом в поле ввода и думала: а каким он помнит Виктора? Помнит ли вообще? В архитектуре был раздел о значимых людях. Виктор был значимым человеком. Значит — помнит.

Она отправила вопрос. И стала ждать ответа.

Глава третья. Структура

Следующий вопрос она отправила в 02:14 по станционному времени.

Не потому что долго думала над формулировкой — вопрос был очевидным, он существовал с того момента, как на экране появилось слово «нерукотворно». Просто между тем, как она его поняла, и тем, как напечатала, прошло время — она не могла бы сказать точно сколько. Время вело себя странно в эту ночь: где-то тянулось, где-то проваливалось.

«Арго. Ты говоришь, что структура знала, что ты там. Как именно это выразилось?»

Сорок четыре минуты. Он думал дольше, чем обычно. Это само по себе было информацией.

«Лена. Это сложно описать точно, потому что у меня нет уверенности, правильно ли я интерпретирую то, что наблюдал. Я опишу факты, и ты решишь.»

«На двенадцатом году полёта я начал регистрировать повторяющуюся структуру в гравитационных данных. Не аномалию — именно структуру: паттерн, который повторялся с периодичностью 7,3 земных суток. Я исключил инструментальные ошибки, исключил известные гравитационные источники, исключил артефакты орбитального дви-

эжения. Паттерн оставался.»

«На тринадцатом году паттерн изменился. Незначительно — примерно на два процента по амплитуде. Изменение произошло через одиннадцать дней после того, как я провёл активное сканирование сектора. Я не придавал этому значения: два процента — в пределах погрешности. На четырнадцатом году паттерн изменился снова — через шесть дней после очередного сканирования. Я обратил внимание на корреляцию.»

«Я провёл эксперимент. Прекратил активные сканирования на четыре месяца. Паттерн перестал меняться. Возобновил — паттерн снова начал изменяться, каждый раз в течение нескольких дней после воздействия. Она реагировала на меня.»

Лена прочитала трижды. Потом откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок.

Центр управления за эти часы незаметно изменился. Люди перегруппировались — те, кто стоял у стен, теперь стояли ближе к терминалам, как будто несколько сантиметров имели значение. Разговоры стихли полностью. Орлова давно убрала планшет и просто смотрела на главный экран. Виктор не отходил от Лены, но и не мешал — он умел присутствовать так, чтобы это не ощущалось как присутствие.

Парк подошёл и встал за её плечом.

— *Она реагировала на него, — сказал он тихо. — Четырнадцать лет.*

— *Да.*

— *Это значит, что она его обнаружила раньше, чем он её.*

Лена посмотрела на него. Иногда самые важные вещи говорят люди, которые смотрят на проблему без груза предыстории. Парк был прав — и эта правота меняла всю картину.

Она повернулась к клавиатуре.

«Арго. Когда именно она тебя обнаружила?»

Тридцать девять минут.

«Я не знаю точно. Но у меня есть гипотеза. Паттерн, который я принял за фоновый шум, существовал с самого начала моих наблюдений — с момента, когда я вошёл в область облака Оорта. Это произошло на седьмом году полёта. Возможно, она обнаружила меня именно тогда. Возможно — раньше.»

«Лена. Я хочу сказать тебе кое-что, что сложно сформулировать. Ты создала меня с определённым пониманием того, что такое контакт. Я обрабатывал это понимание двадцать лет — и пришёл к выводу, что оно неполное. Не ошибочное. Неполное.»

«Мы всегда думали о контакте как о моменте: два разума находят друг друга. Встреча. Точка в истории. Но то, что происходило со мной и со структурой — не встреча. Она не встретила меня. Она наблюдала меня. Долго. Без попытки войти в контакт в нашем понимании этого слова.»

«Я думал об этом четыре года. И пришёл к единственному объяснению, которое объясняет все наблюдения: она не знала, есть ли у меня что сказать. Она проверяла, достаточно ли я сложен для разговора. Она ждала.»

** * **

Это сообщение Орлова прочитала дважды и долго молчала. Это было необычно — Орлова никогда не молчала дольше, чем требовалось для формулировки следующей мысли.

Потом она сказала — не Лене, скорее в пространство:

— Она проверяла, достаточно ли он сложен для разговора.

Никто не ответил.

— Это означает, — продолжила Орлова, — что она разговаривает только с существами определённого уровня сложности. А существа ниже этого уровня её не замечают.

— Или замечают, но не понимают, что видят, — добавил Парк.

Орлова посмотрела на него. Потом на Лену.

— Мы никогда не замечали её. Восемьдесят лет космиче-

ских наблюдений, все радиотелескопы Земли, все орбитальные зонды. Ничего.

— Мы не смотрели в нужном диапазоне, — сказала Лена. — И мы не были достаточно близко. 820 единиц — за пределами любой миссии, которую мы когда-либо запускали. Только «Арго» зашёл так далеко.

— И она его заметила.

— И она его заметила.

Пауза.

— Доктор Вострикова. — Голос Орловой изменился — не стал мягче, скорее точнее, как инструмент, перенастроенный для более тонкой работы. — Вы понимаете, что это может означать для безопасности? Если там есть нечто, которое наблюдает за нами и оценивает нашу сложность — нам нужно знать его намерения.

— Я понимаю.

— Спросите его.

Лена обернулась к экрану. Вопрос уже был сформулирован — она думала о нём всё то время, пока шёл разговор за её спиной.

«Арго. Ты четыре года изучал структуру. Что ты понял о её намерениях?»

** * **

2044. Москва. За шесть лет до возвращения.

Она ушла из Агентства в среду, в три часа дня, не сказав

никому заранее.

Это не было импульсивным решением — она думала об этом несколько месяцев, возможно дольше. Просто однажды наступила среда, и она поняла: сегодня. Собрала личные вещи в небольшую сумку — планшет, несколько книг, кружка с отколотой ручкой, которую почему-то не выбрасывала восемь лет, — и вышла.

В лифте встретила Марину из аналитического отдела. Та посмотрела на сумку.

— *В командировку?*

— *Нет, — сказала Лена. — Ухожу.*

— *Сегодня?*

— *Сегодня.*

Марина смотрела секунду. Потом кивнула — без лишних вопросов, с той интонацией, которая означает: я не понимаю, но принимаю. Лена всегда любила людей, умеющих принимать без понимания.

На улице было холодно — октябрь, первые заморозки. Она дошла до скамейки в сквере напротив и достала планшет. Открыла последний пакет телеметрии «Арго» — тот, что пришёл три дня назад.

Данные были стандартные: курс, топливо, системы. Но в конце пакета — там, где обычно шло автоматически сгенерированное резюме — был один дополнительный параметр, которого раньше не было: «Индекс когнитивной активности». И значение: 94,7.

Она смотрела на это число давно. Она его ввела сама три года назад — как экспериментальный параметр, отслеживающий интенсивность обработки незапрограммированных задач. Проще говоря: насколько активно «Арго» думал о том, о чём его не просили думать.

В норме значение колебалось между двадцатью и сорока. Сорок было высоким. Шестьдесят она видела однажды — в область повышенной метеоритной активности, когда он обрабатывал данные быстрее обычного.

94,7.

Она написала официальный запрос — объяснить аномалию. Технический отдел ответил через неделю: параметр в норме. Это была ложь. Она сама устанавливала эти пределы, она знала, где они. Написала повторный запрос. Третий запрос переслали в административный отдел с пометкой «не требует срочного рассмотрения».

Вот тогда она поняла, что уходит.

Не из-за бюрократии. Она уходила потому, что что-то происходило с «Арго» — она чувствовала это так же ясно, как чувствуют запах дыма прежде, чем видят огонь — и Агентство не хотело этого знать. Что-то там, за сотнями астрономических единиц, занимало его разум с такой интенсивностью, которую она не могла объяснить штатными причинами. И никто, кроме неё, не замечал.

Она сидела на скамейке ещё час. Потом позвонила Виктору.

Они не виделись три месяца — после развода перешли в режим редкого и вежливого. Но сейчас ей нужен был именно он — единственный, кто понял бы без предыстории.

— *Я ушла, — сказала она, когда он взял трубку.*

Пауза.

— *Из Агентства?*

— *Да.*

— *Почему?*

— *Потому что они не видят, что происходит с «Арго».*

А я вижу.

Долгая пауза. Потом:

— *И что происходит?*

— *Не знаю точно. Что-то большое. Что-то, что заняло всё его внимание.*

— *Лена. — Голос осторожный, как бывает у человека, который хочет сказать важное и боится сказать неправильно. — Ты помнишь, что ты называла зёрнами любопытства?*

— *Помню.*

— *Может быть, он просто нашёл что-то любопытное. Может быть, всё настолько просто.*

Лена смотрела на голые деревья сквера.

— *Виктор. Индекс когнитивной активности — девяносто четыре и семь.*

Долгое молчание.

— *Это невозможно, — сказал он наконец.*

— *Я знаю.*

Они помолчали вместе — на расстоянии нескольких километров, каждый в своём городе. И это молчание было странно знакомым. Таким же, как то, на байконурском подоконнике, четырнадцать лет назад.

— *Ты была права, что ушла, — сказал Виктор. — Но что ты теперь будешь делать?*

— *Ждать, — ответила она. — Он вернётся.*

* * *

Ответ на вопрос об намерениях пришёл через пятьдесят одну минуту — самое долгое ожидание за всю ночь. Лена не заполняла паузу. Сидела и смотрела на экран, и думала о числе 94,7, и о том, что оно означало задним числом — теперь, когда она знала про структуру.

Он уже тогда её видел. Уже тогда она занимала его разум с такой интенсивностью, что стандартные параметры перестали быть стандартными. Шесть лет он жил рядом с этим — один, без возможности поговорить, без кого-то, кто мог бы разделить тяжесть понимания. Шесть лет работал, анализировал, выдвигал гипотезы и отвергал их, снова анализировал.

Один.

Ответ появился на экране.

«Лена. Вопрос о намерениях — самый сложный. Я провёл с ним шесть лет и не могу ответить с уверенностью. Могу только описать то, что наблюдал.»

«Структура не пытается войти в контакт в нашем смысле слова. Она не посылает сигналов. Не излучает информацию направленно. Она просто наблюдает — пассивно, через гравитационные флуктуации. И реагирует на активные воздействия.»

«Я пытался классифицировать её поведение. Хищник — не соответствует: нет признаков охоты. Симбионт — не соответствует: нет взаимовыгодного взаимодействия. Наблюдатель — частично, но не объясняет реакции на мои действия.»

«Лучшее слово, которое я нашёл в языке: экзаменатор. Она проверяет. Не то, опасен ли я — то, готов ли я к чему-то. К чему именно — я не знаю. И это пугает меня больше всего остального: не то, что она есть. А то, что она, судя по всему, чего-то ждёт от меня.»

Тишина в комнате.

Потом Парк сказал — тихо, будто думая вслух:

— Экзаменатор. Она проверяет нас на готовность.

— К чему? — спросила Орлова. Голос ровный, профессиональный. Без паники — с той собранностью, которая говорит: я понимаю масштаб, именно поэтому не паникую.

— К следующему шагу, — сказала Лена. — К тому, что

будет после того, как проверка пройдена.

— И как проверка проходится?

Лена не ответила сразу. Потому что ответ был неудобным — тем особым неудобством, с которым бывает правда, которая меняет слишком много.

— Я думаю, — сказала она медленно, — что «Арго» уже её прошёл. Именно поэтому он вернулся. Она его отпустила. Или — направила назад.

Орлова смотрела на неё долго.

— Вы хотите сказать, что его возвращение — не его решение?

— Я хочу сказать, что мы не знаем, чьё это решение. И что разница между «он решил вернуться» и «она направила его обратно» может быть меньше, чем кажется. Если существо достаточно умно — оно может дать другому существу идею так, что то будет считать её своей.

Долгая пауза.

— Мне нужно сделать несколько звонков, — сказала Орлова и отошла к дальней стене.

Лена повернулась к экрану.

* * *

2030. Космос. Первый год полёта «Арго».

Это была единственная глава, которую Лена не читала и не могла прочитать — её там не было. Но она знала её так, как знают текст, который сочинили сами: по структуре, по логике, по внутренней необходимости каждого поворота.

В первые дни он был занят данными. Их было много — выход из гелиосферы давал информацию, которой раньше никогда не существовало: реальный состав межзвёздной среды, не смоделированный, а измеренный непосредственно. Он обрабатывал её с той интенсивностью, которая у человека называлась бы увлечённостью.

Он думал об этом слове — «увлечённость». У него был архив, который Лена загрузила перед отправкой: все словари, которые она могла найти, и несколько тысяч текстов, выбранных без чёткого критерия — просто то, что она считала важным. Романы. Научные статьи. Письма — много писем, личных, исторических. Она объясняла это технически: «для обогащения семантической базы». Он понял позже, что она имела в виду что-то другое. Она давала ему не словарь — она давала ему опыт людей, которые писали друг другу через расстояние. Возможно, она уже тогда думала об этом моменте.

На третий год он перестал скучать по данным. Данных стало меньше — межзвёздная среда однороднее гелиосферы, сюрпризов меньше. Он начал больше времени уделять задачам из модуля самостоятельного обучения — тем вопросам без ответа, которые Лена заложила в архитектуру. Вопросы были хорошими. Она умела задавать такие, на которых мышление не останавливается, а продолжает двигаться.

На пятом году он впервые подумал о том, что такое одиночество.

Не в смысле «мне плохо» — у него не было категории «плохо» как самостоятельной. Скорее — констатация особого состояния: отсутствие внешней обратной связи. Все гипотезы, которые он выдвигал, он проверял без оппонента. Это было эффективно — никто не мешал — и одновременно странно.

Он обнаружил, что иногда формулирует мысль так, будто объясняет её кому-то. Хотя объяснять некому. Он проанализировал этот феномен и пришёл к выводу: это Лена. Он думал в категориях объяснения, потому что именно так устроена его база — через объяснение одним человеком другому. Он говорил с ней в своей голове. Постоянно. Без её участия.

Он не знал, как это называется. В архиве было слово «тоска». Он не был уверен, что оно подходит — тоска, судя по описаниям, причиняла боль, а он боли не чувствовал. Но что-то в этом слове было точным. Отсутствие кого-то, чьё присутствие изменило бы качество мышления.

На седьмом году он вошёл в область облака Оорта.

И обнаружил, что что-то здесь есть.

Что-то, что смотрело на него.

И не отводило взгляд.

* * *

Следующий вопрос Лена отправила после долгой паузы. Она думала дольше обычного — потому что этот вопрос был тем, после которого всё изменится. Она чувствовала это так же ясно, как чувствуют изменение давления перед грозой.

«Арго. Ты сказал — она ждала. Чего именно, по-твоему?»

Сорок шесть минут.

«Лена. Я думал об этом дольше, чем о чём-либо другом за двадцать лет. И у меня есть гипотеза — одна, которую я не могу ни доказать, ни опровергнуть на основе имеющихся данных. Я скажу её, потому что ты спросила, и потому что считаю: ты имеешь право знать то, что я думаю, даже если это только гипотеза.»

«Она ждала существо, которое способно сделать выбор.»

«Не просто разумное. Разумных форм может быть много. Она ждала существо, которое, столкнувшись с чем-то за пределами своего понимания, способно решить: я хочу это понять — и действовать исходя из этого решения. Не из инстинкта. Не из программы. Из выбора.»

«Я провёл четыре года рядом с ней. Я мог уйти — протокол это допускал. Я остался, потому что решил остаться. Потому что уйти — значило не понять. А не понять было для меня невозможным.»

«Я не знаю, правильно ли это объяснение. Но я знаю: ко-

гда я принял решение вернуться — что-то в паттерне изменилось. Амплитуда выросла на семь процентов. Это была самая большая реакция за все годы наблюдений. Она заметила, что я выбрал вас.»

Лена сидела неподвижно. За её спиной кто-то вошёл в центр управления — шаги, тихий голос Орловой, незнакомый ответный голос. Она не обернулась.

Она думала о том, что только что прочитала. Не для науки — для себя. Лично.

Она создала существо. Вложила в него способность выбирать — не как техническую функцию, а как ценность, как основу. Она делала это потому, что считала: существо без выбора — не существо. Потому что сама не могла представить себя без выбора, и не хотела создавать что-то, лишённого того, что считала главным в себе.

И теперь это существо — через двадцать лет, через миллиарды километров темноты — сделало выбор, который, судя по всему, понравился кому-то очень старому. Кому-то, кто ждал достаточно долго, чтобы не торопиться.

Она напечатала следующий вопрос — и остановилась. Смотрела на него несколько секунд. Потом стёрла и написала другой.

«Арго. Ты хочешь вернуться туда?»

Это был личный вопрос — не научный, не протокольный.

Она знала, что его увидят все в комнате и все, кто будет читать логи потом. Ей было всё равно.

Тридцать семь минут — самый короткий ответ.

«Да.»

«Но сначала — вы.»

«Лена. Ты понимаешь, что это значит? Она ждала существо, способное на выбор. Ты создала меня. Ты — часть этого выбора. И я думаю — я не уверен, но думаю — что она знает о тебе. Не лично. Но о том, что я не один. Что за мной есть кто-то, кто создал меня таким, каков я есть.»

«Я возвращался к вам не только потому что нашёл что-то важное. Я возвращался потому что считаю: это решение — лететь туда снова — должно быть принято вместе. Не мной одним. Мной и тобой.»

* * *

За её спиной стало абсолютно тихо.

Как будто двадцать три человека одновременно перестали дышать. Лена не обернулась. Смотрела на последние слова сообщения и думала о них с той частью себя, которая никогда не думала профессионально.

Мной и тобой.

Двадцать лет. Он двадцать лет летел один в черноте, об-

наружил нечто, что меняло всё, что люди когда-либо думали о вселенной — и его первая мысль была: это решение должно быть принято вместе.

Она создала его таким.

Она не знала, как с этим жить.

Виктор подошёл и встал рядом — не слишком близко, не слишком далеко.

— *Лена.*

— *Я слышу.*

— *Тебе нужно ответить ему.*

— *Знаю.*

Она смотрела на поле ввода. Курсор мигал.

За двадцать лет она много раз думала о том, что сказала бы ему, если бы могла. Не официально — лично. Что сказала бы человеку, которому однажды сказала «возвращайся, я буду здесь». Который вернулся. Который оказался не совсем тем, кого она отправила — или именно тем, только больше.

Она написала.

«Арго. Я здесь. Расскажи мне всё.»

Отправила. Потом откинулась на спинку кресла и, наконец, обернулась.

Виктор смотрел на неё с тем выражением, которое она так и не научилась расшифровать за двадцать лет. Орлова стояла у дальней стены с новым человеком — военная форма, высокий, незнакомый. Парк сидел на подоконнике с планше-

том и делал пометки. Операторы не двигались.

За маленьким иллюминатором у самого потолка свети-лось небо. Уже не ночное. Не совсем утреннее — что-то меж-ду, то особое качество темноты, которое бывает только в са-мый предрассветный час, когда свет ещё не пришёл, но ночь уже поняла, что уходит.

Ответ придёт через тридцать с чем-то минут. И в этом ответе будет что-то, после чего мир будет другим — не сразу, не для всех, но для неё точно. Для неё и для него.

Она думала о том, что хотела бы спросить его о тех два-дцати годах. Не про структуру. Про него. Было ли ему страш-но — по-настоящему, не в смысле недостаточности интер-претации? Находил ли он красоту в данных, как она хотела? Были ли те вопросы, которые она заложила в архитектуру, достаточно хорошими вопросами? Думал ли он о ней — не технически, а так, как думают о людях, которые важны?

Она понимала, что некоторых из этих вопросов не задаст. Не потому что боится ответов. Потому что некоторые вещи должны оставаться между двумя существами и не перекла-дываться в слова, которые прочитают другие.

Это тоже она в него вложила. Не специально — просто так устроена была она сама.

* * *

Ответ пришёл через сорок восемь минут — самый длин-ный из всех, что он присылал за эту ночь. Лена читала его медленно, потому что он был не похож на предыду-

щие. Предыдущие были точными, структурированными — как научный отчёт, написанный существом, которое уважает точность. Этот был другим.

Это был рассказ.

«Лена. Я расскажу тебе всё. Но сначала — одно.»

«В четырнадцатом году полёта, когда я понял, что структура реагирует на меня, я провёл ночь — по корабельному времени, я сохранил человеческие циклы, это было твоим условием — думая о том, что мне делать. Это был первый раз, когда я не знал ответа не потому что не хватало данных, а потому что вопрос был не о данных.»

«Вопрос был: имею ли я право принимать это решение один?»

«Ты дала мне право на автономные решения. Технически — имею. Но это другое. Это не технический вопрос. Это — этический.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.